считать обезопасеннымъ отъ бомбардировки. Но за-то новая оборонительная линія получилась очень растянутой и неодинаково сильной на всемъ протяженіи. Поэтому для усиленія ея обороноспособности былъ выработанъ проектъ новыхъ фортовъ и укрѣпленій: Сарсель между Экуаномъ и Стэномъ, Орнъ-де-Морлю между Стэномъ и Вожуромъ, рядъ добавочныхъ укрѣпленій на плато Вожура, укрѣпленія Нуази-ле-Гранъ и Ормессонъ (между фортами Шелль и Виллье), добавочныя батареи у форта Вильнёвъ, С. Жоржъ, форты Аблонъ и Бютъ-Шомонъ, чтобы связать восточный фронтъ съ юго-западнымъ, форты Сакле и С. Маркъ для усиленія юго-западнаго фронта, рядъ фортовъ и другихъ укрѣпленій на лѣвомъ берегу Сены, между Версалемъ и фортомъ Монъ-Валерьенъ. Далѣе предполагалось проведеніе уже цѣлой линіи укрѣпленій на сѣверо-западномъ фронтѣ и проектировалось на сѣверо-западѣ выдвинуть форты еще значительно впереди форта Кормейль. Но изъ всѣхъ этихъ проектовъ были осуществлены только нѣкоторые, отъ другихъ же французское военное министерство отказалось. Возможно, что нѣкоторые изъ невыполненныхъ раньше плановъ осуществлены частично теперь во время войны.

А. Оглинъ.

Проѣздомъ черезъ Варшаву.

(*Отъ нашего корреспондента*).

Извѣстно, что нѣмцы въ самомъ началѣ войны уже увѣряли, будто Варшава, охваченная революціей, занята германскими войсками. Эти беззастѣнчивыя измышленія кажутся особенно нелѣпыми теперь, когда видишь послѣ мѣсяца войны все ту же прежнюю Варшаву, спокойную, жизнерадостную. Какъ и вся Россія,—и особенно мѣстности, близкія къ нашимъ западнымъ границамъ, — Варшава пережила пору острой тревоги, когда иные изъ жителей города спѣшили его покинуть, другіе въ страхѣ ожидали нашествія новыхъ варваровъ, о калишскихъ подвигахъ которыхъ уже доходили вѣсти. Но эта недолгая пора миновала почти безслѣдно. Уже возвращаются въ городъ многія семейства, укрывшіяся было въ Москвѣ и во внутреннихъ губерніяхъ; возвращаются воспитанники мѣстныхъ учебныхъ заведеній, о своевременномъ открытіи которыхъ уже объявлено; возобновилось обычное теченіе городской общественной жизни; прекратился тотъ «денежный голодъ» (отсутствіе размѣнной монеты), отъ котораго нѣсколько дней сильно страдали всѣ жители; цѣны на предметы «первой необходимости» стали нормальными и т. д. И опять каждый вечеръ по Краковскому предмѣстью и другимъ большимъ улицамъ Варшавы катится нарядная толпа, по дорогѣ наполняя залитыя электричествомъ «цукерни».

Само-собой разумѣется, что вся Варшава съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за событіями войны. Слишкомъ большія надежды связаны у поляковъ съ исходомъ этой «борьбы народовъ», и слишкомъ *тяжелая* роль выпала въ ней на долю Польшѣ, дѣти которой распредѣлены по арміямъ трехъ разныхъ государствъ и которая стала первой ареной кровавыхъ столкновеній. Кромѣ того Варшава все-же отчетливѣе другихъ большихъ городовъ Россіи слышитъ самые гулы битвъ. Всего въ 100—150 верстахъ отъ города лежатъ мѣстности, гдѣ появлялись передовые нѣмецкіе разъѣзды или которыя временно были заняты германскими отрядами. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкія арміи оттѣснены на западъ, на югъ и на сѣверъ, многіе жители Варшавы лично побывали въ Лодзи и въ разныхъ селеніяхъ, видѣвшихъ у себя нѣмцевъ. Первымъ большимъ этапомъ, куда стекались бѣглецы изъ Калиша и другихъ городовъ, испытавшихъ режимъ нѣмецкой оккупаціи, была Варшава. Варшавяне слышали отъ очевидцевъ и видѣли своими глазами много такого, о чемъ мы «въ глубинѣ Россіи» знаемъ лишь изъ газетъ или въ пересказѣ третьихъ лицъ.

Понятно поэтому, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ Варшава новостей съ театра войны. Въ часы, когда выходятъ вечерніе выпуски польскихъ газетъ, ихъ редакціи буквально штурмуются толпой газетчиковъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ,—штурмуются съ криками, иногда съ плачемъ обижаемыхъ старшими подростковъ, но съ такимъ упорствомъ, какого не увидишь въ Москвѣ и Петроградѣ. Добывъ съ бою («на полрубля») пачку свѣже отпечатанныхъ листковъ, пронзительно выкрикивая заглавія, мальчишки стремительно бросаются впередъ,—на людную улицу; за ними, семеня ногами, поспѣшаютъ женщины въ большихъ платкахъ; далѣе ковыляютъ разносчики-ветераны; но всѣ увѣрены, что ихъ товаръ не залежится безъ покупателя. А въ то же время толпы другихъ читателей, для которыхъ и двѣ лишнихъ копѣйки въ день составляютъ разсчетъ, тѣснятся подъ воротами и у витринъ, гдѣ вывѣшиваются новыя телеграммы, долго вникая въ краткія, но многозначительныя строки, тутъ же сообща обсуждая послѣднія извѣстія.

Рядомъ съ этимъ напряженнымъ вниманіемъ къ войнѣ идетъ въ Варшавѣ, какъ во всѣхъ русскихъ городахъ, энергичная работа по тому дѣлу, которое носитъ названіе «помощь больнымъ и раненымъ воинамъ и семействамъ запасныхъ». Телеграммы уже оповѣщали о томъ, что сдѣлали въ Варшавѣ въ этомъ направленіи различныя общественныя организаціи, но должно добавить, что столь же энергично выступаетъ здѣсь и частная иниціатива. Такъ, напримѣръ, одинъ мѣстный богачъ-еврей отдалъ на время войны весь свой роскошный домъ (какъ говорятъ, «почти дворецъ») подъ военный лазаретъ, принявъ обязательство содержать его на свой счетъ. Мѣстныя торговыя фирмы дѣлаютъ щедрыя пожертвованія: напр., мѣстныя табачныя фабрики поставляютъ ежедневно 10,000 папиросъ для раненыхъ. Мѣстные фельдшера предложили санитарному комитету (при такъ называемомъ «обывательскомъ комитетѣ» города Варшавы) свои услуги на все время войны безвозмездно и т. д., и т. д. О подобныхъ предложеніяхъ появляются извѣстія въ газетахъ ежедневно.

И все-же недаромъ варшавянъ называютъ «парижанами Востока». Они оказались даже «болѣе парижанами, чѣмъ сами парижане». Намъ сообщаютъ о Парижѣ, что онъ притихъ, что его бульвары стали безлюдны, что въ немъ многіе магазины закрыты, большіе рестораны и кафэ пустуютъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Варшавѣ. Она осталась сама собой,—съ оживленными, шумными улицами, съ привлекательными огнями своихъ уютныхъ кофеенъ и маленькихъ баровъ, со сверкающими вывѣсками «кинема» и афишами театровъ; только,—по обязательному постановленію администраціи,—теперь уличная жизнь притихаетъ раньше и раньше гаснутъ всѣ эти рекламные огни. Истинные варшавяне, а тѣмъ болѣе варшавянки, какія бы глубокія волненія ни колебали ихъ душу, всегда умѣютъ сохранить въ своей внѣшней жизни то изящество и ту легкость, которыя и придаютъ Варшавѣ ея плѣнительное своеобразіе. «Моя чувства—во мнѣ, для другихъ у меня—улыбка»; это парижское правило жизни столь же характерно и для Варшавы. Подъ раскатами грома «военной непогоды», потрясающими всю Польшу и мучительно отзывающимися въ Варшавѣ, она для «наблюдателя со стороны» кажется все тѣмъ же «маленькимъ Парижемъ», красивымъ и улыбающимся.

Такой «наблюдатель со стороны», конечно, взялъ бы на себя слишкомъ многое, если бы захотѣлось судить о настроеніяхъ варшавскаго общества. Для этого необходимо подойти къ нему ближе, заглянуть въ него глубже. Но, поскольку позволительно дѣлать выводы изъ статей мѣстной прессы, изъ сужденій, высказываемыхъ редакторами и сотрудниками разныхъ періодическихъ изданій, изъ бесѣдъ съ отдѣльными знакомыми, кажется, можно сказать, что значительное большинство въ варшавскомъ обществѣ раздѣляетъ надежды общества русскаго. Объявленіе войны произвело на варшавское общество впечатлѣніе сильнѣйшее; точно также сильнѣйшимъ образомъ были затронуты широкіе круги и извѣстнымъ объявленіемъ Верховнаго Главнокомандующаго. И чѣмъ больше слышишь отзывовъ объ этихъ двухъ фактахъ, столь глубоко затрогивающихъ жизнь Польши, тѣмъ больше убѣждаешься, что варшавское общество раздѣляетъ въ цѣломъ взгляды на нихъ русскихъ прогрессивныхъ круговъ. Отчасти эти настроенія нашли свое выраженіе въ декларацiяхъ различныхъ польскихъ партій (изъ которыхъ послѣдняя, одна изъ наиболѣе существенныхъ, — именно декларація польскихъ прогрессистовъ,— была недавно сообщена на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей»).

Что же касается массы населенія, тѣхъ «обывателей», которые не входятъ ни въ какія партійныя группировки, то ихъ отношеніе къ событіямъ опредѣляется, конечно, не какими-либо «программами», но безсознательнымъ влеченіемъ души. Каковы бы ни были раньше взаимныя отношенія поляковъ и русскихъ въ Варшавѣ, теперь все отступило на второй планъ передъ общимъ для всѣхъ чувствомъ,—вражды къ общему врагу, къ врагу всего славянства. Неприязнь къ нѣмцамъ—какъ бы врожденное чувство каждаго варшавянина: оно беретъ свое начало въ историческихъ судьбахъ народа, которому пришлось выдерживать самые жестокіе натиски германцевъ; оно воспитывалось долгими десятилѣтіями, когда годъ за годомъ приходили все новыя и новыя извѣстія о нѣмецкомъ гнетѣ въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи: она всегда, какъ искра подъ пепломъ, тлѣла на тихихъ берегахъ Вислы и подъ налетѣвшимъ ураганомъ, сломавшимъ старыя преграды,

Плѣнные.

(*Впечатлѣнія*).

Я и моя спутница миновали, наконецъ, городскія бойни. Москва осталась на западѣ, впереди вдалекѣ возвышались красныя зданія метеорологической станціи, вокругъ, сколько было видно, лежали изрытыя поля картошки, желѣзнодорожные пути, направо между болотъ и свалокъ повсюду торчали неизвѣстно зачѣмъ поставленныя высокія бетонныя колонны. По небу ползли тучи; на закатѣ вѣтеръ усилился, шумя картошками, отгибая у лошади хвостъ. Мы подъѣхали къ небольшой станціи. Пути, дверь, запертые пакгаузы были пусты. Въ окнѣ будки стрѣлочника сидѣла кошка, при видѣ насъ она стала водить лапой по стеклу. Это было первое живое существо, какое мы встрѣтили среди этого унынія. На мой крикъ спустя долгое время вышла изъ воротъ баба и отворила шлагбаумъ. Мы поѣхали далѣе по голой низинѣ, гдѣ за рѣдкими кустами въ норахъ живутъ дикія собаки, нападая по ночамъ на людей. Затѣмъ миновали шалаши и землянки тряпичниковъ, оттуда курился дымокъ, торчали на шестахъ ведра, моталось тряпье, копошились люди.

«Живорѣзы, обдерутъ тебя до-чиста, народъ извѣстный», — сказалъ извозчикъ спокойно.

Вдругъ за поворотомъ, черезъ насыпь, загорѣлось нѣсколько костровъ, окруженныхъ странно одѣтыми сѣрыми фигурами, наклоненными и присѣвшими у огней. Тутъ же бѣгали мальчишки. Дальше стояли поѣзда и двигалась густая толпа народа.

«Они самые», — сказалъ извозчикъ.

Мы слѣзли у костровъ. Къ намъ сейчасъ же подошелъ австріецъ, въ сѣрой, мышинаго цвѣта, шинели, сѣрой кэпи и узкихъ штанахъ до щиколки, расшитыхъ, какъ у гусаръ, шнуромъ; на ногахъ—толстые штиблеты; лицо худое, небритое и веселое. Онъ протянулъ мнѣ талеръ, прося по-чешски размѣнять. Я далъ полтора рубля. «Нѣтъ»,—сказалъ онъ. Я прибавилъ еще рубль, чехъ кивнулъ и отошелъ. Сейчасъ же насъ окружило ихъ человѣкъ двадцать, протягивая пяти- и десятикроновыя бумажки, талеры, кроны, даже никкелевыя двадцатигеллеровыя монетки.

Спутница моя струсила, спросивъ шопотомъ: «Нѣтъ ли у нихъ оружія?»

Дѣйствительно было страшно среди голаго поля въ сумеркахъ быть окруженными австрійскими солдатами. Я отдалъ мелочь и показалъ пустой кошелекъ. Мы пошли дальше къ поѣздамъ. Вдоль праваго поѣзда ходила и собиралась кучками толпа: нарядныя барышни, австрійцы, одѣтые всѣ какъ одинъ въ мышиный цвѣтъ, мужики, фабричные, студенты, деревенскія дѣвушки, но все больше простонародье. Въ вагонахъ сидѣли и стояли плѣнные, посматривая, пересмѣиваясь. Почти всѣ они были съ темной окраской волосъ, худые и высокіе и несмотря на долгіе походы, на недѣлю плѣна всѣ казались чистенькими, точно только-что одѣтыми.

На землѣ около каждаго собирался кружокъ и велся оживленный разговоръ на чрезвычайно странномъ языкѣ, который русскій человѣкъ сразу усваиваетъ въ бесѣдѣ съ иностранцами. «А картошка, картошка-то у васъ есть? У насъ здѣсь шибко много картошки. Да ты понимай, что тебѣ говорятъ. Ѣдятъ ее. Вотъ лупятъ. Ну, понялъ онъ»,—обращается рыжебородый, усатый мужичокъ къ остальнымъ слушателямъ. «У нихъ совсѣмъ, какъ у насъ. А пшеницу вы сѣете? Сѣетъ онъ и еще, говоритъ, ярецъ. Это по-ихнему овесъ будетъ. Видишь, онъ ногой топаетъ, лошади, говоритъ, его ѣдятъ. Да ты смотри, онъ какъ есть нашъ братъ,—хорошій мужикъ, понятливый, велѣли ему воевать, онъ и идетъ... Служба, братъ».

Или другой разговоръ. Подходитъ фабричный къ австрійцу, смотритъ на него долго въ упоръ: «Ну-ка, перекрестись вотъ эдакъ. Перекрестился. Католикъ. А кто ты таковъ, полякъ?» «Унгаръ»,—отвѣчаетъ плѣнный. «Болгаринъ?—Ахъ ты, свинья, какъ же тебѣ не совѣстно противъ насъ воевать?» «Венгерецъ»,—поясняетъ кто-то. «Ну, да, это другое дѣло. А что у тебя эдакая есть?»—показываетъ фабричный на деревенскую дѣвку, которая тутъ же спряталась за чью-то спину. «Холостой онъ. А карманы эти зачѣмъ у тебя; деньги прятать? Это у нихъ для папиросъ».

Или еще разговоръ: «Что это ты какой худой? Не ѣлъ онъ, не кормятъ нашего брата. Ну, ничего, на нашихъ хлѣбахъ отъѣшься, морда у тебя вотъ какая будетъ. Ишь смѣется, понялъ. У насъ тутъ воздухъ хорошій, чистый, хорошо тебѣ будетъ».—«У насъ тоже хорошо», — отвѣчаетъ плѣнный. «Свое хвалитъ, — поясняетъ собесѣдникъ. —Ну, хвали, хвали».

Посреди поѣзда въ вагонѣ I класса въ окна глядятъ плѣнные офицеры равнодушно и терпѣливо. Одинъ стоитъ на ступенькахъ, стройный, очень красивый, подтянутый, въ короткой сѣрой тужуркѣ, съ красными нашивками на стоячемъ воротникѣ. Подъ взглядомъ моей спутницы онъ соскакиваетъ на землю, подходитъ къ своимъ солдатамъ, что-то говоритъ, нахмурясь. Другой офицеръ, совсѣмъ мальчикъ, объясняетъ по-нѣмецки собравшимся вокругъ, что онъ шестнадцатый день не мѣнялъ бѣлья; ни денегъ, ни теплой одежды, кромѣ мундира у него нѣтъ, и онъ не понимаетъ, на какія средства и какъ будетъ жить въ плѣну. Лицо его —высоко-поднятое, спокойное и горестное; должно-быть, онъ пережилъ уже страхъ смерти, отчаяніе плѣна и теперь думаетъ только о томъ, когда же, наконецъ, можно будетъ перемѣнить бѣлье.

Мы перешли къ лѣвому поѣзду; вдоль него молча съ неодобреніемъ стоялъ народъ: ходили вооруженные солдаты; въ вагонахъ сидѣли и стояли пруссаки: иные—въ каскахъ, иные—въ безкозырькахъ, съ краснымъ узкимъ околышемъ. На разсматриваніе толпы они отвѣчали усмѣшками, нарочно громкимъ говоромъ; у всѣхъ было одно выраженіе людей, съ презрѣніемъ покорившихся силѣ. Многіе въ очкахъ, всѣ измученные, тощіе, малорослые. Подошелъ прапорщикъ, скомандовалъ; пруссаки вылѣзли изъ вагоновъ, живо и точно стали въ два ряда, повернулись, пошли, выкидывая ноги, какъ заведенные, очевидно, нарочно желая подчеркнуть; затѣмъ стали, дожидаясь переклички. Наши солдаты потѣснили толпу, начавшую напирать. Солдаты, конвоирующіе пруссаковъ,—какъ на подборъ: молодые, сильные и подтянутые; въ отвѣтъ на презрѣніе плѣнныхъ они—суровы, точны и непреклонны въ своихъ дѣйствіяхъ. Нѣкоторые пруссаки завернуты въ коричневыя покрышки, точно отъ чемодановъ: это—походныя палатки, каждый на ночь раскидываетъ надъ собой защиту отъ дождя.

Въ офицерскомъ вагонѣ въ окнахъ видны часовые. Я помню по Берлину этихъ лейтенантовъ, съ моноклемъ, съ затянутой таліей и воротникомъ, подпирающимъ багровое, самодовольное лицо. Должно-быть, въ плѣну имъ трудно будетъ носить эти воротники и монокли; безъ нихъ же прусскій офицеръ утратитъ свое полубожественное происхожденіе, что крайне для него прискорбно, хотя и полезно, быть-можетъ.

Стало совсѣмъ темно. «Я увѣрена, что у пруссаковъ у кого-нибудь припрятанъ штыкъ или бомба. Какъ вы думаете?», —сказала моя спутница. Я думаю, что она была права: не у кого-нибудь, а у каждаго былъ припрятанъ «камень за пазухой»: дотого накалилъ, разжегъ въ нихъ ненависть ко всему человѣчеству императоръ Вильгельмъ, въ день объявленія войны съ балкона посылавшій проклятія и ругательства всему міру.

Мы двинулись обратно другой дорогой. Взошла луна. За станціей мимо насъ пропатала еще партія пруссаковъ; нѣкоторые были ранены въ руки.

«Ну, и народъ, чистые звѣри!—сказалъ извозчикъ.—А этому австрійцу одному я пятачокъ далъ».

Гр. Алексѣй Н. Толстой.